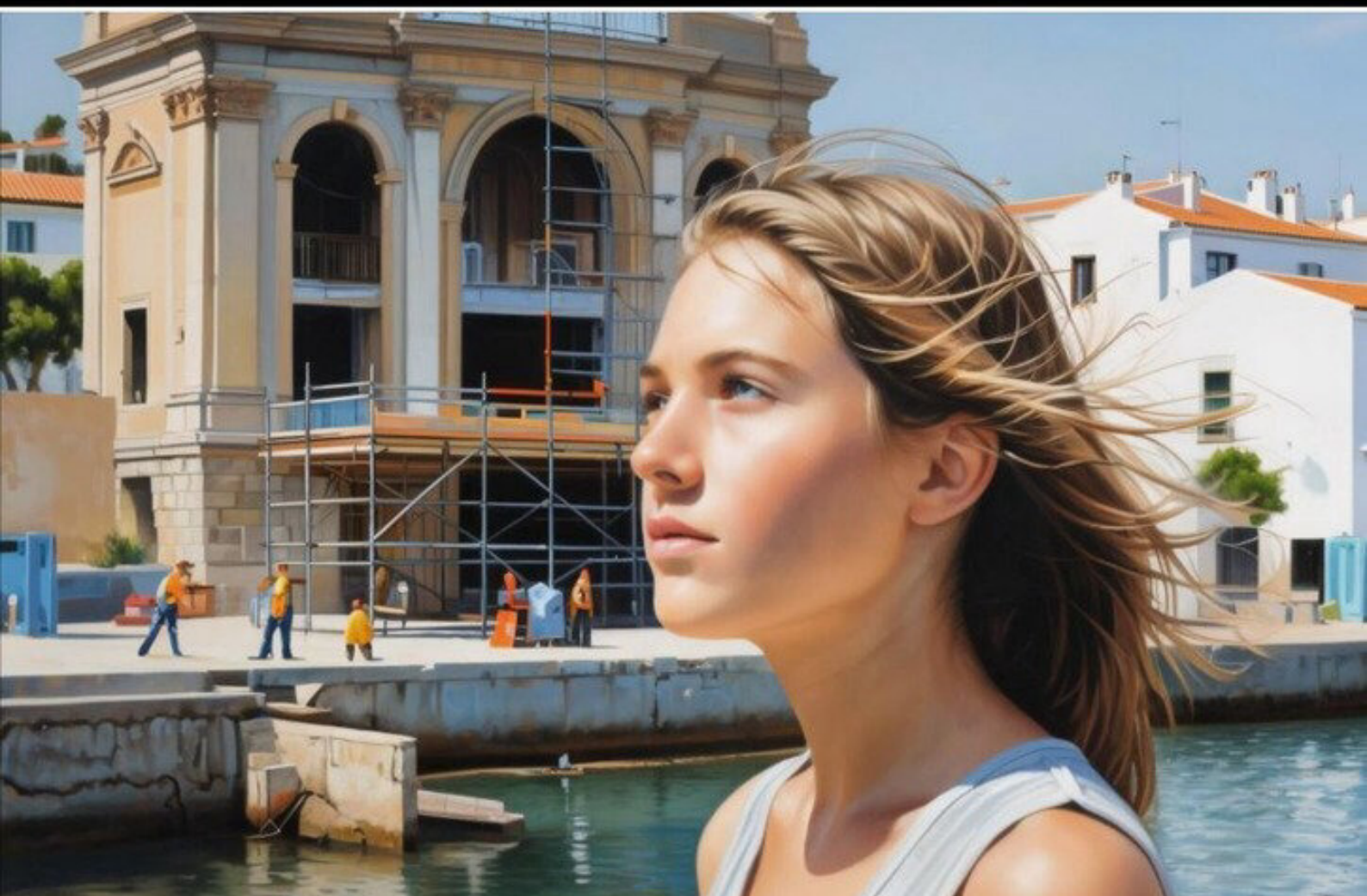

18+

Рамиль Латыпов

Красные нити Санта- Лусии

Рамиль Латыпов

Красные нити Санта-Лусии

«Издательские решения»

Латыпов Р.

Красные нити Санта-Лусии / Р. Латыпов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686125-1

В 18 лет Лена приезжает в испанский Санта-Лусию, чтобы помочь матери восстановить старинный театр. Там она встречает Алехандро — художника, рисующего души зданий. Между ними вспыхивает любовь, проверенная расстоянием, семейными тайнами и выбором между архитектурной мечтой в Москве и сердцем, привязанным к испанской земле.

ISBN 978-5-00-686125-1

© Латыпов Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Аэропорт в пустоте»	6
Глава 2. «Язык сердца»	15
Глава 3. «Секреты под апельсиновыми деревьями»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Красные нити Санта-Лусии

Рамиль Латыпов

Дизайнер обложки giga.chat

© Рамиль Латыпов, 2025

© giga.chat, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-6125-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Аэропорт в пустоте»

Московский снег за окном *Аэрофлота* казался мне последним кусочком нормальной жизни. Я прижала ладонь к холодному стеклу, будто пытаюсь удержать его от исчезновения. За спиной мама суетливо переключала документы в папку с надписью «Театр Санта-Лусия: Реставрация». Её руки дрожали – я видела это в отражении иллюминатора. Она говорила, что это «уникальный шанс», «возможность возродить шедевр архитектуры XIX века». Я же думала только о том, как объясню Маше, что наш последний год школы теперь разделит не только расписание, но и 4500 километров.

– Леночка, не смотри так мрачно, – мама поправила очки, которые всегда сползали на кончик носа, когда она волновалась. – Это же Испания! Солнце, море, культура! Ты сама же мечтала изучать архитектуру.

Я кивнула, не отрываясь от окна. *Мечтала. В двенадцать лет.* Тогда Испания ассоциировалась с плакатами из *National Geographic*: белоснежные домики, синие купола, улыбающиеся люди в ярких платьях. Теперь же перед глазами мелькали строки из скайп-переписки с Машей:

«Ты серьёзно бросишь всё? Тут без тебя скучать будут даже Вовка с его новой гитарой».
«Кто будет снимать тиктоки про школьные дни?»

Я ответила смайликом с плачущими глазами. Смайл не передал того, как на самом деле сжималось сердце.

– Ты ведь понимаешь, – мама положила руку поверх моей, – без этого контракта нам пришлось бы продать квартиру после развода. Твой отец... – Она осеклась. Мы обе знали: «твой отец» означало «тот человек, который ушёл к другой женщине, оставив нас с кредитами». Мама сжала мои пальцы сильнее. – Ты талантлива, Лена. Твои эскизы театров... Они дышат. Здесь ты сможешь учиться у лучших реставраторов.

Я отвела взгляд. Её вера в меня всегда пугала больше, чем разочарование. Что, если я не оправдаю надежд? Что, если в Санта-Лусии меня ждёт не «возрождение шедевра», а серая рутина и одиночество?

Аэропорт Малаги взорвался красками. Яркие вывески «*¡Bienvenidos!*», запах крепкого кофе и жареных миндальных орехов, гул голосов на испанском – всё слилось в один гипнотический вихрь. Я схватилась за ручку чемодана так, будто он был моим единственным якорем в этом хаосе.

– *¡Taxi! ¡Taxi!* – закричала мама, размахивая рукой перед стеклянной дверью. Чёрная «Тойота» плавно подкатила к тротуару. Водитель, пожилой мужчина с седыми усами и футболкой «Real Madrid», выскочил, чтобы помочь с багажом.

– Санта-Лусия, ¿sí? – он кивнул на наш адрес, написанный мамой на листке. – Далеко. Двадцать минут. Город спит, пока Малага гуляет.

Мама улыбнулась, но я заметила, как её брови сошлись: «*спит*» звучало как дурное предзнаменование для проекта, который должен был вернуть городу былую славу.

Машина покатила вдоль побережья. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая море в оттенки розового и золотого. Я смотрела в окно, пытаюсь запомнить каждую деталь: пальмы вдоль дороги, старушек, сидящих на скамейках у балконов в цветах герани, звон колоколов с церковной башни вдалеке. Но сердце колотилось от одного вопроса: *как жить здесь, не зная языка?*

– Ты в порядке? – мама положила ладонь мне на колено.

– Да. Просто... думаю, где тут магазин с нормальным хлебом. – Я попыталась шутить, но голос дрогнул.

Она вздохнула:

– Мы найдём всё. *Всё*.

Но я уже видела, как её взгляд скользнул по телефону – сообщение от заказчика: «*Притомление задерживается. Документы ещё не подписаны*».

Санта-Лусия встретила нас прохладой. Казалось, даже пальмы здесь росли медленнее, а воздух пах не солью, а пылью и чем-то древним, забытым. Наша временная квартира находилась на втором этаже здания с облупившейся жёлтой штукатуркой. По пути наверх мама трижды споткнулась на скрипучих ступенях.

– ¡Hola! – раздался голос из соседней двери. На пороге стояла пожилая женщина в чёрном платье и белом фартуке. Её лицо морщинистое, но глаза сияли теплом. – ¿Necesitan ayuda?

Мама заторопилась объяснять по-английски, что мы новые соседи, но я заметила, как старушка улыбнулась, услышав моё русское имя.

– Лена! – она выговорила его с лёгким акцентом, будто пела. – У меня внучка такое же имя носит. В Мадриде учится. – Она взяла мой чемодан и легко потащила его вверх по лестнице. – Зовут меня Соледад. Если нужен сахар, вино или совет – стучите. Особенно совет. В Санта-Лусии без него ни шагу.

Квартира оказалась больше, чем я ожидала: большая гостиная с французскими окнами, выходящими на узкую улочку, кухня с плитой 1970-х годов и две спальни. Но в воздухе висел запах сырости, а на стенах пятнами проступала плесень.

– Это... временно, – мама развела руками, будто извиняясь перед невидимым критиком. – Завтра начнём ремонт.

Я кивнула, разматывая шарф. *Временно. Как много раз я это слышала за последние два года.*

Ужинать мы отправились в кафе напротив театра – того самого, что мама должна была восстановить. Здание потемнело от времени, колонны у входа облезли, но под грязью угадывались изящные узоры. Над аркой висала выцветшая надпись: «*Teatro del Sol*».

– Смотри! – мама указала на фреску над дверью. – Это «Падение Икара». Видишь, как художник передал падение? Кажется, будто крылья ещё держат воздух...

Я кивнула, но мысли были заняты другим: за углом театра, прислонившись к стене, стоял парень. Ему было около двадцати, в чёрных джинсах и потрёпанной футболке с надписью «*Gaudí is not dead*». В руках он держал блокнот, быстро водя карандашом по странице. Волосы цвета тёмного шоколада падали на лоб, закрывая чуть прищуренные глаза.

– Алехандро, – пробормотала Соледад, подавая нам меню. – Не обращайтесь внимания. Он тут каждый вечер рисует. Отец хочет, чтобы в строительной фирме работал, а он... – она махнула рукой, – предпочитает мечтать.

Мама улыбнулась:

– Искусство важнее прибыли.

– ¡Ay! – Соледад рассмеялась. – Скажите это *señor* Мендесу, когда он вам зарплату задержит!

Я отвлеклась от парня, когда Соледад поставила передо мной тарелку с *паэльей*. Но через минуту снова посмотрела на улицу. Алехандро поднял голову и случайно поймал мой взгляд. На мгновение мир замер. Его глаза – тёплые, карие, с золотистыми крапинками – заставили сердце подпрыгнуть. Но тут же он отвёл взгляд, резко закрыл блокнот и зашагал прочь.

«Грубиян», – подумала я, откусывая кусок сочной курицы. Но пальцы сами потянулись к альбому в рюкзаке. Может, он тоже рисует театры?

На следующее утро мама уехала на встречу с городскими властями, а я осталась разбирать вещи. К полудню квартира обрела видимость порядка, но тоска по Москве сжимала горло. Я достала телефон – десять пропущенных сообщений от Маши. Последнее гласило:

«*Ты жива? Присылай фото испанских мачо!*»

Я улыбнулась и набрала ответ:

«Пока тут только старушки и один грустный артист.»

В ответ пришёл смайлик с сердечками.

Нужно было выйти. Воздух в квартире стал душным. Я схватила блокнот и карандаш (привычка с детства – рисовать, когда тревожно) и направилась к Театру Солнца.

Под его аркой было прохладно. Я уселась на ступеньку и начала набрасывать фасад, стараясь передать игру света на треснувшей штукатурке. Через час рука устала, но душа успокоилась. Я не заметила, как кто-то остановился рядом, пока тень не упала на бумагу.

– Неплохо. Но Икар не падает – он *parit*, – раздался низкий голос с лёгким акцентом.

Я вздрогнула. Передо мной стоял Алехандро. Его блокнот висел на ремне через плечо, а в руке он держал два стакана с кофе. Один протянул мне.

– *Cortado*. Без сахара, если не ошибаюсь.

– Откуда вы...?

– Ты пришла с улицы, где ветер. Сахар бы развеялся по листу, оставив белые пятна. – Он кивнул на мой альбом. – Можно?

Я кивнула. Он присел рядом, листая страницы. Его пальцы были длинными, с тонкими шрамами от карандашей.

– Ты видишь не камни, а истории. – Он остановился на рисунке театра: я добавила в углу маленькую фигурку – девочку на колонне, машущую рукой. – Почему она там?

– Это Тея, – ответила я, сама не зная откуда взялось имя. – Она живёт между мирами. Видит всё, но никто не видит её.

Он посмотрел на меня пристально:

– Ты тоже чувствуешь себя Теей?

Щёки вспыхнули. Я отвела взгляд:

– Я просто рисую.

– А я – нет. – Алехандро вернул альбом и сделал глоток кофе. – Меня зовут Алехандро. А тебя?

– Лена.

– «Свет», – он произнёс по-испански. – Странное имя для русской.

– Почему?

– У вас же вечная зима. Откуда свет?

Я рассмеялась – нервно, но искренне:

– Мы его бережём внутри. Чтобы не замерзнуть.

Он задумался, барабанил пальцами по стакану:

– Сегодня я рисовал тебя.

– Что?

– Утром. Когда ты сидела здесь с сумкой, будто готовая сбежать при первом шуме. – Он улыбнулся, но в уголках глаз осталась грусть. – Не бойся Санта-Лусии. Она старая, но добрая. Как моя бабушка Соледад.

– Это ваша бабушка?

– Да. Она всех соседей зовёт внуками. – Он встал, поправляя рюкзак. – Завтра в два часа здесь будет рынок. Приходи. Покажу тебе город глазами Икара.

– Почему Икара?

– Потому что, – он кивнул на мою Тею, – те, кто парит выше других, всегда рискуют упасть. Но без этого нет полёта.

Он ушёл, оставив меня с пустым стаканом и бешеным сердцебиением.

6.

Дома я застала маму в слезах. Стол в гостиной был завален бумагами, а на компьютере открыт договор с красными пометками.

– Что случилось?

– Мендес... – она вытерла глаза тыльной стороной ладони. – Он хочет урезать бюджет. Говорит, что реставрация – «роскошь для бедного города». Если я не соглашусь на его условия, контракт расторгнут.

Я обняла её, чувствуя, как дрожат её плечи. Она боролась за этот проект полгода. Без него мы потеряем не только деньги, но и надежду.

– Что будем делать?

– Ничего. Я найду способ. – Мама встала, поправляя волосы. – А пока... Иди гуляй. Ты же не захочешь провести день в этой сырой дыре?

Я кивнула, но уже придумывала, как можно помочь. Может, найти старые чертежи театра? Или уговорить местных поддержать проект?

Рынок в Санта-Лусии был похож на волшебный лабиринт. Под белыми тентами горками лежали сочные персики, оливки всех оттенков чёрного, связки ароматных колбас. Воздух гудел от разговоров, смеха и звонкой гитары где-то вдалеке. Я вертела в руках крошечный горшочек с лавандой, подаренный старушкой-продавщицей («Для удачи, *guapa!*»), когда чья-то рука закрыла мне глаза.

– Угадай, где ты?

Я узнала голос Алехандро и рассмеялась:

– В аду для аллергиков?

Он отпустил меня, улыбаясь:

– Правильно. Здесь продают даже пыльцу. Но ради этого стоит рискнуть.

Он повёл меня к лотку с *churros*: тонкими пончиками в сахарной пудре. Пока мы ели, он рассказывал о театре.

– В 1920-м здесь ставили пьесы Федерико Гарсиа Лорки. Говорят, в подвале до сих пор слышен его смех.

– Ты веришь в призраков?

– Я верю в то, что оставляют после себя люди. – Он показал на старый фонарь у входа на площадь. – Видишь трещину на стекле? В 1936-м здесь проходила забастовка. Солдат ударил фонарь прикладом, чтобы осветить путь раненым.

Его голос звучал так, будто он сам видел ту ночь. Я смотрела на трещину и вдруг поняла: Алехандро не просто рисует город – он *слушает* его.

– Почему ты не уезжаешь учиться? – спросила я, вспомнив слова Соледад. – В Барселону или Мадрид?

Тени пробежали по его лицу:

– Отец говорит, что искусство – это хобби для богатых. А я... – он пожал плечами, – должен продолжить семейное дело. Строить отели для туристов, которые даже не заметят этой трещины.

– Но твои рисунки... Они как живые.

Он усмехнулся горько:

– Живые рисунки не кормят семьи, Лена.

Мы бродили по рынку до захода солнца. Алехандро показал мне лавку с ароматическими свечами, где хозяйка, пожилая цыганка, прочитала мне будущее по ладони («Три дороги... Одна ведёт к боли, две – к любви. Выберешь самую трудную»). Он смеялся, но в его смехе слышалась тревога.

– Не верь ей. Это всё игры.

– А ты веришь? В выбор?

– Я верю, что иногда выбора нет. – Он посмотрел на часы и вздохнул. – Мне пора. Отец ждёт отчёта по стройке.

– Можешь показать мне театр изнутри?

– Завтра. В восемь утра. До восхода солнца охранник уходит пить кофе. – Он написал адрес на клочке бумаги. – Не опаздывай. Икары не ждут.

Я сжала записку в кармане, наблюдая, как он исчезает в толпе. Сердце стучало громче, чем гитара уличного музыканта.

Дома я застала маму за перепиской с Мендесом. Её лицо было бледным.

– Он требует сократить расходы на 40%. Если я не подпишу сегодня, он отдаст проект другой компании.

– Что делать?

– Не знаю. – Мама провела рукой по лицу. – Может, вернуться в Москву? Найти другую работу...

– Нет! – Я села рядом. – Мы не можем сдать. Помнишь, как ты говорила о Театре Солнца? Это же не просто здание. Это... душа города.

Она посмотрела на меня с удивлением:

– Откуда ты знаешь?

– Алехандро рассказал. Его бабушка Соледад живёт рядом.

– Алехандро? – Мама нахмурилась. – Мендес тоже фамилия Мендес. Это его сын.

Я замерла. *Отец Алехандро – тот самый Мендес, который губит наш проект?*

– Он не такой, как отец, – вырвалось у меня. – Он... другой.

– Люди здесь закрытые, Лена. Не доверяй быстро. – Мама обняла меня. – Спасибо, что поддерживаешь. Но, может, тебе стоит записаться в местный колледж? Займись языком. А я разберусь с контрактом.

Я кивнула, но уже думала о завтрашнем утре. Может, Алехандро поможет? Его отец точно не знает, как много театр значит для сына.

В четыре утра я уже не спала. Луна заливала комнату серебром, смешиваясь с тревогой. Я перечитывала сообщение Маши десять раз подряд, но ответить не могла – слова будто застыли в горле.

«Ты влюбилась? Фото этого парня срочно!!!»

Влюблена ли я? Нет. Но в его глазах было что-то, чего так не хватало моей жизни: смелость парить, даже зная, что крылья растают.

Я оделась в джинсы и свитер, сунула в карман блокнот и записку Алехандро. На площади не было ни души. Ветер трепал волосы, а вдалеке мерцали огни Малаги.

Театр казался спящим зверем. Я стояла у служебного входа, считая минуты. В семь часов пятьдесят пять появился охранник: пожилой мужчина с тяжёлой походкой. Я прижалась к стене, пока он уходил, бормоча о кофе и молодости.

В восемь часов я постучала. Никто не ответил. Прошла ещё минута. Две. Сердце упало в пятки. *Он не придёт.*

– Опоздала на тридцать секунд. – Голос Алехандро раздался над головой. Он сидел на карнизе второго этажа, спустив ноги вниз. В руках – связка ключей.

– Как ты...?

– Я здесь рисую каждую ночь. – Он спрыгнул на землю, ловко приземлившись. – Готова увидеть Тею?

Ключ скрипнул в замке. Дверь открылась, и нас накрыла волна запахов: пыль, старое дерево, тайна.

Внутри было темнее, чем я ожидала. Алехандро включил фонарик на телефоне, и луч света выхватил из тьмы ряды потрескавшихся кресел, занавес, изъеденный молью, и сцену, где танцевали призраки прошлого.

– Смотри, – он повёл меня к боковой лестнице. – На третьем этаже есть ложа. Оттуда Икар видит всё.

Мы поднялись по узкой винтовой лестнице. На третьем этаже Алехандро открыл дверь, и я ахнула. Ложа была украшена резными деревянными панелями, а над нами сводился потолок с фреской: Икар, раскинув крылья, летел к солнцу, а внизу, на земле, его отец Дедал смотрел с горькой улыбкой.

– Это работал художник из Барселоны. Говорят, он влюбился в местную актрису и оставил часть души здесь.

– Почему театр забросили?

– После Гражданской войны. Многие ушли, многие погибли. – Алехандро провёл пальцем по пыльному подлокотнику кресла. – Мой дед пытался его восстановить. Но умер, так и не увидев конца.

– А отец...

– Отец считает это пустой тратой денег. – Он посмотрел на меня. – Но ты можешь изменить это. Твоя мама – лучший реставратор, с которым я встречался в документах отца.

– Ты читал документы?

– Я работаю в его офисе. Считаю цемент и кирпичи. – В его голосе звучала горечь. – Лена, если Мендес-старший подпишет контракт, город вернёт себе сердце. Но я не могу поговорить с ним. После мамы...

– Что случилось с твоей мамой?

Он замолчал, глядя на фреску. В луче света пылинки танцевали, словно призраки.

– Она была актрисой. Играла здесь. Отец заставил её выбрать: семья или сцена. Она выбрала сцену. Уехала во Францию. Больше не вернулась.

Слова повисли в воздухе. Я поняла, почему он так резко закрыл блокнот в первый день – боялся, что его мечты разрушат семью, как мечты матери.

– Тогда помоги нам, – тихо сказала я. – Покажи отцу, что театр – это не деньги. Это память.

Он усмехнулся:

– Ты легко говоришь о том, чего никогда не теряла.

– Я теряла дом, – вырвалось у меня. – После развода отца мы трижды переезжали. Каждый раз я оставляла друзей, школу, свою комнату. Помнишь мою Тею? Я была ею много лет.

Алехандро посмотрел на меня иначе – не как на туристку, а как на человека, который тоже знает, что такое падать.

– Хорошо, – он вздохнул. – Завтра вечером в кафе «Sol» соберутся городские власти. Я поговорю с отцом. Но обещай: если всё провалится, ты не исчезнешь, как моя мама.

– Обещаю.

Внизу нас ждала тень. Не охранник – сам *señor* Мендес. Он стоял у входа, скрестив руки на груди. Его лицо было каменным, но глаза, такие же карие, как у сына, сверкали гневом.

– *¿Qué haces aquí, Alejandro?* – голос звучал как удар хлыста.

Алехандро встал передо мной:

– Мы просто смотрели театр, отец.

– С русской девочкой, дочерью той, кто пытается украсть мой проект? – Мендес-старший сделал шаг вперёд. – Ты знаешь, сколько я отказал ей в финансировании?

– Вы не слушали её идеи! – Алехандро говорил на испанском так быстро, что я понимала лишь половину. – Этот театр – часть истории!

– История не кормит твою сестру! – Мендес сжал кулаки. – Ты думаешь, я не знаю, как ты тратишь время? Рисунки, девчонки... Твой дед умер от нищеты, цепляясь за эти стены!

– Значит, я должен повторить твою жизнь? Работать на стройках, пока ты решаешь, что для меня лучше?

Я не могла молчать:

– *Señor* Мендес, я не хочу украсть ваш проект. Мама верит, что театр может объединить город. Как раньше.

Он посмотрел на меня с холодным презрением:

– Анна Соколова обещала то же самое в 2003 году. Через год она исчезла, оставив нас с долгами. Русские всегда уезжают, когда становится трудно.

Сердце сжалось. Мама никогда не рассказывала о проваленных проектах.

– Я не мама, – сказала я, стараясь говорить чётко. – И Лена не русская, не испанская... Я просто хочу помочь.

Мендес фыркнул:

– Завтра подпишу контракт с другой компанией. Уходите. Оба. И не смей показываться здесь, Алекс.

На улице было светло. Санта-Лусия просыпалась: женщины вывешивали бельё, дети бежали в школу, из кафе пахло свежим хлебом. Но внутри меня бушевала буря.

– Прости, – прошептал Алехандро, сидя на ступеньках театра. – Я думал, что смогу...

– Не твоя вина. – Я села рядом. – Твой отец боится потерять семью, как потерял твою маму.

– А я боюсь стать таким же, как он. – Алехандро достал блокнот, рисуя что-то на полях. Через минуту протянул мне страницу. На ней была я – стоящая в луче света под фреской Икара. В углу он написал: «*Лена, которая учит меня дышать*».

– Ты вернёшься в Москву? – спросил он тихо.

– Не знаю. Мама всё ещё надеется.

– Тогда прими мой совет. – Он записал на листке номер телефона. – Это Селия, журналистка из газеты «*La Voz de Santa Lucía*». Расскажи ей о театре. Пусть напишет статью. Мой отец не выдержит давления общественности.

– Ты предаёшь его?

– Я выбираю Икара. – Он встал, поправляя рюкзак. – Прощай, Лена.

– Алехандро...

– Если спасёшь театр, приходи в кафе «Sol» в полночь через неделю. Я буду ждать. – Он улыбнулся, но в глазах стояла боль. – Не заставляй меня верить в тебя второй раз.

Дома я застала маму в новом приступе отчаяния. Контракт был утерян.

– Что будем делать? – спросила я, показывая номер Селии. – Давай попробуем привлечь общественность.

– Это рискованно. Мендес может подать в суд за клевету.

– А если правда? – Я сжала её руку. – Ты столько лет работаешь реставратором. Неужели не хочешь спасти хотя бы одно место, которое помнит, как люди смеялись и плакали вместе?

Мама посмотрела на меня, и в её глазах вспыхнула искра:

– Ты очень похожа на свою бабушку. Она тоже верила в лучшее.

Через час мы сидели в редакции «*La Voz*». Селия оказалась женщиной лет сорока с яркими волосами и манерой задавать неудобные вопросы. Когда я рассказала историю театра, она постучала пальцами по столу:

– Это идеальная статья. Но мне нужны доказательства: старые фото, документы, свидетели.

– Алехандро... – начала я.

– Сын Мендеса? – Селия усмехнулась. – Он рисует, а не роется в архивах. Но... – она задумалась, – бабушка Соледад дружит с сестрой Лорки. Она может рассказать о премьерах 1920-х.

Соледад открыла дверь с кастрюлей в руках. Её квартира пахла корицей и чем-то домашним.

– ¡Niñas! – она поставила кастрюлю на стол и обняла нас обеих. – Я слышала о Мендесе. Старый осёл! Его отец бы его за такое отшлёпал.

Она принесла альбом с фотографиями: чёрно-белые снимки театра в расцвете, актёры в костюмах, зрители в парадных нарядах. На одной из фотографий – молодая женщина с печальными глазами.

– Это моя сестра Кармен, – прошептала Соледад. – Она пела здесь. Её голос привёл в Санта-Лусию даже Лорку. А потом пришла война...

Селия записывала каждое слово. Когда мы уходили, Соледад сунула мне в карман пакетик с лавандой:

– Для Алехандро. Скажи, бабушка знает: иногда нужно сжечь мосты, чтобы построить новые крылья.

Через три дня статья вышла под заголовком: «*Teatro Soli: Мечта, которую предало время*». На первой странице – фото Соледад у фрески Икара и строки о том, как Мендес-строитель губит наследие ради прибыли.

Город взорвался. В соцсетях создали группу «*Salvemos el Teatro*», на улицах собирались подписи, в мэрию посыпались письма. Но самое страшное – телефонный звонок в полночь.

– Ты думаешь, я не узнаю твой почерк? – голос Мендеса дрожал от ярости. – Завтра твоя мама получит уведомление о выселении. Никаких контрактов. Никакого театра.

Я выключила телефон, чувствуя, как слёзы жгут глаза. *Мы проиграли.*

В полночь я всё равно пришла в кафе «Sol». Алехандро сидел в углу, рисуя что-то в блокноте. Его лицо было мрачным.

– Статья ни на что не повлияла?

– Отец уволил Соледад из благотворительного фонда. Запретил мне видеться с ней. – Он посмотрел на меня. – Прости. Я не смог.

– Это не твоя вина. – Я поставила перед ним чашку с какао (Соледад научила меня готовить его по-испански). – Твоя бабушка дала мне это для тебя.

Он открыл пакетик с лавандой и глубоко вдохнул:

– Запах её кухни... – Он улыбнулся сквозь слёзы. – Спасибо.

– Что теперь?

– Я подал документы в Берлинскую академию искусств. Стипендия покрывает обучение. – Он говорил быстро, будто боялся передумать. – Уезжаю через месяц.

– Алехандро...

– Я не могу больше здесь оставаться. Отец прав: я не сын, а предатель.

– А театр?

– Ты спасёшь его. – Он положил на стол ключ. – Это от подвала. Там архив 1920-х годов. Документы о пожертвованиях, чертежи... Это докажет, что театр принадлежит городу, а не Мендесам.

– Почему ты не отдал это раньше?

– Потому что боялся. – Он смотрел на мои руки. – Но ты учишь меня дышать. Даже если это убьёт меня.

Мы вышли на площадь. Луна отражалась в фонтане, а вдали играла гитара. Алехандро остановился у апельсинового дерева.

– Когда я был ребёнком, мать показала мне здесь созвездие Лебедя. Говорила, оно ведёт потерянных домой. – Его пальцы коснулись моих. – Если я вернусь... Ты будешь ждать?

– Я не могу обещать будущее, – я сжала его руку. – Но сегодня я выбираю этот момент. Икара, который рискнул.

Он поцеловал меня. Вкус лаванды и горьких слёз.

На следующее утро мама получила письмо. Мендес отозвал угрозу о выселении, но контракт был у другого подрядчика.

– Мы не сдадимся, – сказала я, доставая ключ от подвала. – У нас есть архив.

В подвале театра мы провели целый день. Пыльные папки, старые афиши, письма от Лорки к актрисам. Но самое важное – договор 1921 года: земля под театром принадлежала муниципалитету, а Мендес-старший (дед Алехандро) был лишь арендатором.

Селия напечатала новые статьи. Городской совет созвал экстренное заседание. Мендес-старший пришёл красный от злости, но не смог опровергнуть документы.

– Контракт будет перезаклѐн, – объявил мэр. – С Анной Соколовой.

Три недели спустя я стояла на площади, наблюдая, как рабочие снимают доски с входа в театр. Мама смеялась, обнимая Соледад. Мендес-старший уехал в Мадрид, передав управление фирмой дяде Алехандро.

Я достала телефон. Сообщение от Алехандро пришло утром:

«Берлин прекрасен. Но небо здесь холодное. Спасибо за лаванду.»

Я ответила:

«Тея скучает по своему Икару.»

Соледад подошла, положив руку мне на плечо:

– Он вернѐтся. Настоящие люди всегда возвращаются домой.

– А если я не дом для него?

– Дом – это не место. Это тот, кто ждѐт. – Она поцеловала меня в макушку. – А теперь иди. Твой Икар ждѐт тебя в акварелях.

Я посмотрела на театр. Солнце играло на фасаде, делая трещины золотыми. И где-то высоко, в ложе на третьем этаже, я слышала смех Федерико Гарсиа Лорки.

Глава 2. «Язык сердца»

Три недели спустя после победы над Мендесом-старшим, Санта-Лусия научила меня одной истине: радость – это шумный, но короткий гость. Утром я просыпалась под звон молотков – рабочие уже сбивали старые доски у входа в Театр Солнца. Мама, как одержимая, носилась между подвалом и сценой, вычеркивая пункты из списка «СРОЧНО». А я пыталась совместить всё: помогать ей, учиться в местном колледже *Instituto Cervantes* и ловить сны про Алехандро.

– Сегодня твой первый день в колледже, – мама протянула мне бутерброд с *pan con tomate*, заглядывая в чертежи. – Не опаздывай. И... не волнуйся. Ты справишься.

Я кивнула, пряча улыбку. Она повторяла эту фразу каждое утро с тех пор, как мы приехали. Но сегодня «*справишься*» звучало особенно горько. Вчера вечером пришло сообщение от Алехандро:

«Первый экзамен в академии. Не спал трое суток. Берлинский дождь похож на твои слёзы – холодный, но красивый».

Я ответила смайликом с цветами, хотя сердце разрывалось. *Твои слёзы*. Сколько их я пролила за эти недели, пряча телефон под подушку?

Колледж разместился в старом монастыре XVI века. Каменные арки, увитые плющом, и фонтан во дворе создавали иллюзию спокойствия. Но внутри меня трясло. Я сжимала учебник «*Español Básico*» так, будто он мог защитить от стыда.

– ¡Hola! ¿Eres nueva? – весёлый голос за спиной заставил меня подпрыгнуть. Передо мной стояла девушка лет двадцати с короткими розовыми волосами и татуировкой компаса на шее. – Я София. Преподаватель сказал, ты из Москвы?

– Да. Лена.

– ¡Qué guay! – она увлекла меня в аудиторию. – Не бойся. Здесь все свои.

Но к концу первого урока я поняла: «свои» – это не я. Группа из 15 студентов болтала на испанском как на родном, смешивая сленг с итальянским и французским акцентами. А я сидела, красная как помидор, пытаюсь перевести фразу «*Мы читаем стихи Лорки*». Когда профессор Рамирес попросил меня прочесть отрывок вслух, язык будто одеревенел.

– «*Verde que te quiero verde...*» – прошептала я, сбиваясь на каждое второе слово.

Смешки в аудитории ударили в уши громче удара молота по гвоздю. София одобритительно кивнула, но в её глазах читалась жалость.

Обеденный перерыв я провела на скамейке у фонтана, рисуя в альбоме колонны монастыря. Карандаш дрожал в руке. «*Зачем я здесь?*» – спрашивала я у отражения в воде. Москва казалась далёким сном: школьные коридоры, смех Маши, даже ссоры с отцом – всё это было проще, чем этот кошмар с языком.

– Ты рисуешь, как Алехандро, – раздался голос. Я подняла голову: рядом стоял парень лет двадцати пяти в поношенной куртке с эмблемой «*Bauhaus*». Его лицо было знакомо – он работал на стройке у театра.

– Мы виделись у Театра Солнца. Я – Пабло.

– Лена. – Я закрыла альбом, стесняясь своих каракулей.

– Не прячь. – Он сел рядом. – Алехандро показывал мне твои эскизы перед отъездом. Он говорил, ты видишь души зданий.

Сердце сжалось. *Он рассказывал о мне.*

– Он... часто вспоминает Санта-Лусию?

– Каждый день. – Пабло усмехнулся. – Даже в Берлине носит футболку с логотипом нашего рынка. Говорит, это его «амулет от серости».

Я рассмеялась сквозь слёзы: Алехандро ненавидел эту футболку.

– Но вернёмся к тебе, – Пабло указал на мой учебник. – *Instituto Cervantes* – не для новичков. Ты должна начать с уровня А1.

– Мама сказала, так быстрее.

– Твоя мама – гений реставрации, но в жизни... – он махнул рукой. – Слушай, я преподаю испанский в культурном центре «*Raíces*». Приходи сегодня в шесть. Бесплатно.

– Почему?

– Потому что Алехандро – мой лучший друг. И потому что... – он постучал пальцем по моему рисунку, – ты рисуешь театр так, будто он твой дом. А дом нельзя потерять из-за плохого языка.

Вечером, пока мама проверяла отчёты, я сидела на балконе с телефоном, набирая номер Алехандро. В Берлине было семь вечера – время для кофе-брейка в академии.

– ¿*Diga?* – его голос звучал в трубке хрипло, будто он кричал с другого конца света.

– Это я. Как экзамен?

– Отлично. Закончил раньше всех. Теперь профессор хочет, чтобы я рисовал его внуку.

¡*Dios mío!*

Я рассмеялась, представляя, как он корчит рожи. Но в горле стоял ком.

– Сегодня был мой первый день в колледже. Я опозорилась...

– Ты? – он замолчал, и я услышала скрип стула. – Лена, помнишь нашу Тею? Она тоже молчала сто лет, пока не нашла человека, который понял её язык.

– А если я никогда не научусь говорить?

– Ты уже говоришь. – Его голос стал тише. – Твои рисунки кричат громче, чем голос Мендеса на собрании. Расскажи мне о них.

Я описывала фонтан в монастыре, Софию с розовыми волосами, Пабло, который предложил помочь с языком. Он слушал, вставляя шутки, но в конце спросил:

– А театр? А он?

– Дышит. Но швы ещё болят.

– Хорошо. – В трубке зашумел ветер. – Мне пора. Завтра лекция по авангарду.

– Алехандро...

– *Sí?*

– Спасибо за Пабло.

Он засмеялся – первые искренние ноты за всё время:

– Он сам нашёл тебя. Я ему не говорил. Просто... нарисовал твой портрет в его альбоме.

С пометкой: «*Спаси её от скуки*».

5.

Культурный центр «*Raíces*» оказался в подвале заброшенной часовни. Стены украшали граффити: силуэты танцоров фламенко, цитаты Лорки, карта мира с пометками «куда уехали наши». Пабло ждал меня за столом, заваленным учебниками и банками с кистями.

– Сегодня будем учить не глаголы, – он расстелил на столе карту Санта-Лусии. – А говорить сердцем.

– Как?

– Каждое место здесь имеет историю. – Его палец скользнул к площади перед театром. – Здесь в 1936 году женщины прятали книги от солдат. Говорили: «*Слова важнее пуль*».

Я записывала фразы в тетрадь, но Пабло отодвинул её:

– Забудь правила. Скажи мне на испанском: почему ты боишься?

– *Yo... tengo miedo...* – язык заплетался. – *De no ser suficiente.*

– ¿*Para quién?*

– Для Алехандро. Для мамы. Для себя.

Пабло улыбнулся:

– Ты уже. Достаточно. Даже когда молчишь.

Неделя пролетела в ритме уроков с Пабло, работы в театре и ночных звонков Алехандро. Я научилась заказывать кофе на испанском, разбирать конструкцию предложений, даже сыпать пару шуток. Но в колледже по-прежнему чувствовала себя чужой.

Однажды после занятий София пригласила меня на вечеринку в студенческий бар «*El Rincón*».

– Там будет Марко! – шепнула она, подмигивая. – Милый итальянец из Милана. Может, отвлечёшься от твоего испанца?

Я отказалась, но под давлением согласилась прийти на час. Бар напоминал пещеру: низкие своды, гирлянды из лампочек, запах жареных миндальных орешков. Марко оказался высоким брюнетом с идеальным английским и страстью к архитектуре.

– Ты из России? – он наклонился ко мне, перекрывая музыку. – Здорово! Я хочу построить мост между Барселоной и Москвой. Ты поможешь?

Я улыбнулась, но сердце сжалось. *Мосты*. Алехандро говорил, что мосты – для тех, кто не хочет летать.

Когда Марко предложил проводить меня домой, я заметила в углу Пабло. Он сидел с компанией строителей, но его взгляд был устремлён на меня. На следующий день он пришёл в «*Raíces*» с букетом жасмина:

– Марко хороший парень. Но он не знает, что твоё сердце уже занято другим небом.

– Откуда ты...?

– Видел, как ты рисовала силуэт моста в альбоме. – Он положил цветы на стол. – Алехандро прав: ты дышишь рисунками. Не дай никому отучить тебя от этого.

В театре дела шли хуже. Старые стены не хотели принимать новую штукатурку, а в подвале обнаружилась трещина, грозящая обрушить потолок. Мама спала по четыре часа, а я пыталась переводить технические термины для рабочих.

– Нужен инженер, – вздохнула она, разглядывая трещину. – Но бюджет...

– Пабло знаком с одним, – вырвалось у меня. – Он учит меня испанскому.

Мама нахмурилась:

– Лена, мы не можем полагаться на друзей Алехандро. Его отец ещё вернётся.

– Алехандро не его отец!

– Нет. Но кровь – это не просто вода. – Она провела рукой по лицу. – Прости. Я устала.

Я обняла её, чувствуя, как дрожат её плечи. В тот вечер я написала Алехандро:

«Трещина в подвале. Мама не спит. Мне нужен твой совет».

Ответ пришёл через два часа:

«Завтра в 6 утра по вашему времени. Звоню. Пока – спи под звёздами Лебеда».

Звонок разбудил меня в темноте. Голос Алехандро звучал хрипло, будто он курил всю ночь.

– *Escucha*. В подвале театра есть старый фундамент – каменная арка 1820 года. Если трещина затронула её, нужно укрепить сверху.

– Как?

– Пабло знает инженера Хуана. Он работал с моим дедом. Скажи: это от Алехандро. – Он помолчал. – А теперь слушай внимательно.

Он описывал сложные расчёты, но я ловила лишь отдельные фразы: *ángulo, presión, yeso especial*. Потом спросил:

– А как твой испанский?

– Учю «душой», как говорил твой Пабло.

– *¡Claro!* – он рассмеялся. – Он мой учитель с десяти лет. После ухода мамы... он научил меня, что искусство – не предательство.

Я сжала телефон:

– Почему ты не сказал мне раньше?

– Потому что боялся. – Его голос стал тише. – Когда любишь кого-то, страшно показать свои раны.

Инженер Хуан оказался пожилым мужчиной с седой бородой и любовью к русской водке. Он осмотрел трещину, покачал головой, но улыбнулся, услышав имя Алехандро.

– Этот мальчик спас мой проект в Гранаде! – он похлопал меня по плечу. – За него сделаю всё бесплатно. Но... – его глаза блеснули, – в обмен научишь меня говорить «*Я люблю тебя*» на русском.

К вечеру трещину заделали армированной сеткой, а Хуан уехал, повторяя: «*Ya lyublyu teebya... Нет, подожди!*»

Мама смотрела на меня с удивлением:

– Как ты...?

– Люди здесь верят в истории. – Я показала ей телефон: переписку с Алехандро. – И в любовь, которая их связывает.

Она обняла меня:

– Я боялась за тебя. После развода... боялась, что ты разобьёшь сердце.

– Алехандро не папа.

– Нет. Но расстояние...

– Расстояние – это просто пространство между «здесь» и «там». А сердце не знает пространства.

Следующим утром в колледже случилось чудо. Профессор Рамирес дал задание: рассказать о месте, которое имеет для тебя значение. Когда я вышла к доске, руки тряслись, но я не сдалась.

– *Teatro del Sol*, – начала я по-испански. – Здесь моя мама возвращает душу городу. А я... я нашла свою.

Я описывала трещины в стенах, запах пыли в архивах, смех Соледад над плохим испанским. Говорила о том, как Алехандро научил меня видеть истории в камнях. Даже София аплодировала, а Рамирес кивнул:

– *Tienes corazón*. Ты говоришь сердцем. Это самое важное.

В обед я написала Алехандро:

«*Сегодня я не опозорилась. Ты бы гордился*».

Он ответил фото: его рука держала карандаш над рисунком театра. В углу надпись: «*Моя Лена, которая учит меня верить*».

Осень в Санта-Лусии пришла внезапно. Утром на улицах лежал туман, а в театре пахло сыростью. Я принесла с собой одеяло и термос с какао, чтобы согреть маму во время перерыва.

– Звонила Маша, – сказала она, поправляя очки. – Говорит, в Москве уже снег.

– Да?

– Она... скучает.

Я кивнула, глядя на экран телефона. Последнее сообщение от Маши было три дня назад: «*Ты даже не спросила, как у меня на собеседовании в Вышку!*»

Я ответила поздно ночью, но она не отреагировала.

– Позвони ей, – мама погладила мою руку. – Настоящая дружба выдержит даже расстояние.

Я набрала номер, но голосовое письмо было занято. Вечером пришло сообщение:

«*Извини, Лен. У меня новый парень. Он из Барселоны. Может, встретимся?*»

Сердце упало. *Барселона*. Так близко, но она не сказала «приезжай», а предложила «встретимся».

Пабло застал меня в «*Raíces*», рисующей в альбоме силуэт Москвы.

– Маша? – он поставил на стол чашку чая.

– Откуда ты знаешь?

– Видел твои слезы на уроках. – Он сел напротив. – Дружба – как театр. Иногда занавес рвётся, но пьеса продолжается.

– Она больше не хочет быть моей Теей.

– Значит, ты найдёшь новую роль. – Он указал на рисунок. – Почему Москва серая?

– Потому что я рисую её из воспоминаний.

– Нарисуй её из мечты. С Алехандро.

– Он в Берлине.

– А ты где? – Пабло улыбнулся. – Ты в сердце Испании. Говори с ним на этом языке. Вечером я пошла на рынок за продуктами. Соледад звала меня в свой ларёк с криком:

– ¡Lena! Mira qué tomates!

Её ладони, морщинистые от работы, держали спелые помидоры, красные как сердца.

– Садись. – Она посадила меня за столик у входа. – Алехандро звонил мне вчера.

– Что?

– Говорил, что скучает по моим *tortillas*. – Она подмигнула. – Но больше по твоим глазам. Соледад налила мне вина, хотя я отказалась, сказав, что мне 18.

– ¡Ay! В моё время в 18 лет уже рожали троих детей. – Она хлопнула меня по руке. – Алехандро просил передать: любовь – это не география. Это выбор каждый день.

– Но как выбрать, когда он так далеко?

– Ты уже выбрала. – Соледад указала на браслет с красной нитью на моём запястье – подарок Алехандро в первый день. – Он видит тебя. Даже когда ты молчишь.

Дома я нашла маму с письмом от университета. Её лицо было бледным.

– Что случилось?

– Приглашение. – Она протянула конверт. – МГУ предлагает мне руководить кафедрой реставрации. Стипендия для тебя.

– Это же отлично!

– Но театр...

– Мы можем закончить проект и уехать.

– А Алехандро?

Я замолчала. В кармане зазвенел телефон. Сообщение от Алехандро:

«Мой отец вернулся. Он в Санта-Лусии».

Новый день начался с шторма. Дождь хлестал по окнам театра, а у входа стоял *señor* Мендес. Он оделся в строгий костюм, но глаза выдавали усталость.

– Я не здесь по делу театра, – бросил он, не здороваясь. – Мне нужен мой сын.

Мама вышла вперёд:

– Алехандро учится в Берлине.

– Он сбежал. – Мендес сжал кулаки. – Сказал, что я убил его мать. Но это она оставила нас!

– Ваша жена была актрисой, – тихо сказала мама. – Может, она боялась потерять себя, как вы боитесь потерять его?

Мендес рассмеялся горько:

– Вы, русские, всегда всё знаете. Где Алехандро?

– Не знаю. – Я шагнула вперёд. – Но он рисует вас каждую ночь. В своём альбоме – десятки портретов. Он называет их *«Отец, который боится любить»*.

Мендес замер. Где-то в театре капала вода, отсчитывая секунды.

– Зачем ты это говоришь?

– Потому что он ждёт вашего звонка. – Я сняла браслет с запястья. – Он дал мне это перед отъездом. Сказал: *«Красная нить – та, что связывает сердца, даже если пути расходятся»*.

Мендес взял браслет, его пальцы дрожали.

– Он в Берлине. Улица Фридрихштрассе, 45. Квартира 3Б. – Мендес повернулся к выходу. – Скажите ему... скажите, я нашёл её письма. Те, что она писала мне из Парижа. Я прятал их все эти годы.

Вечером я сидела на балконе, наблюдая, как дождь смывает пыль с улиц. Телефон зазвонил – Алехандро.

– Мой отец был у тебя?

– Да. Он... извинился.

– ¡Mierda! – Алехандро редко ругался. – Он не понимает. Не может понять.

– Он показал мне письма твоей мамы. Писала, что скучает по тебе. Просила передать: «Сын – это не мост, это крылья».

Тишина в трубке длилась целую минуту. Потом Алехандро прошептал:

– Я так устал быть Икаром. Хочу быть просто Алехандро. С тобой.

– Тогда вернись.

– Не могу. Стипендия...

– Я получила приглашение в МГУ.

– ¿Qué?

– Мы можем жить в Москве. Ты продолжишь учиться там.

– А театр?

– Его восстановят без нас.

Он помолчал:

– Ты хочешь этого?

– Я хочу тебя.

– Но ты только нашла себя здесь. – Его голос дрожал. – Не беги, Лена. Не из-за меня.

Через два дня Соледад пригласила нас на *fiesta de la cosecha* – праздник урожая. Площадь у театра украсили гирляндами, а на столах горой лежали блюда: *paella*, *gazpacho*, *churros*. Музыканты наигрывали мелодии фламенко, а дети танцевали вокруг фонтана.

– Это наш способ сказать «спасибо» театру, – сказала Соледад, подавая мне тарелку. – Сегодня ты танцуешь.

– Я не умею.

– Алехандро научил тебя севильяне под дождём. – Она подмигнула. – Помнишь?

Я покраснела. В тот вечер, когда мы впервые поцеловались, он шептал шаги прямо мне в ухо: «Сначала стопа, потом сердце, потом душа».

Когда зазвучали гитары, я вышла на площадку. Поначалу движения были скованными, но потом музыка вошла в кровь. Я танцевала не для зрителей – для себя, для Алехандро, для театра, который снова дышал. В толпе я заметила Пабло, машущего мне, и даже Хуана, хлопающего в такт. А потом увидела его.

Señor Мендес стоял в тени колонны. В руке он держал конверт – письма жены. Когда наши глаза встретились, он кивнул. Не улыбнулся. Но кивнул.

После праздника я пошла к театру. Луна освещала фасад, делая трещины золотыми. За мной кто-то шёл. Я обернулась – Марко.

– Ты была прекрасна, – он протянул мне цветы. – Почему ты не отвечаешь на мои сообщения?

– Я... занята.

– С испанцем в Берлине? – он усмехнулся. – Алехандро Мендес – не твой выбор, Лена. Он из другой жизни.

– Любовь не выбирает жизни. Она выбирает сердца.

Марко бросил цветы на землю:

– Ты такая же глупая, как его мать. Бежишь за мечтами, а реальность останется с тобой одна.

Я пошла прочь, но его слова впились в сердце как шипы.

Дома мама ждала с новостями.

– Мендес подписал документы. Театр официально принадлежит муниципалитету. Он уезжает в Мадрид.

– А Алехандро?

– Говорил с ним. Решил остаться в Берлине. – Мама обняла меня. – Прости, что вмешиваюсь. Но Маша права – у тебя есть будущее в Москве.

Я поднялась в свою комнату и открыла ноутбук. На экране – письмо от МГУ с датой зачисления. Через месяц я должна быть в Москве.

Телефон зазвонил. Алехандро.

– Я видел Марко у театра, – начал он без приветствия. – Ты должна знать: он встречался с Иреной, дочерью Мендеса-старшего. Подстроил вашу встречу.

– Зачем?

– Чтобы вернуть влияние семьи Мендес. – Алехандро вздохнул. – Лена, я не могу мешать твоему будущему. Берлин... это моя битва.

– А если я выберу тебя?

– Ты должна выбрать себя. – Его голос дрожал. – Обещай: не беги ради меня.

Утром я пришла в «*Raíces*». Пабло ждал с альбомом в руках.

– Алехандро прислал это для тебя.

На первой странице был рисунок: я, стоящая на крыше театра, с раскинутыми руками. Внизу надпись: «*Лена, которая научилась летать*». На последней странице – пустой лист.

– Он сказал: «Пусть она сама напишет конец».

Я взяла карандаш и нарисовала два силуэта на крыше. Один – с крыльями Икара, другой – с архитектурными чертежами. Между ними – красная нить.

– Что это значит? – спросил Пабло.

– Что я остаюсь. – Я закрыла альбом. – В Санта-Лусии. Для театра. Для себя.

Пабло улыбнулся:

– Он будет ждать тебя в Берлине?

– Нет. – Я посмотрела на фреску Икара над театром. – Я научу его дышать здесь.

В кармане зазвенел телефон. Сообщение от Алехандро:

«Сегодня я рисовал дождь в Берлине. Представил, что это твои слёзы. Но вспомнил: ты больше не плачешь. Ты летишь».

Я ответила фото: пустой страницы с моим рисунком. И одного слова:

«Вместе».

Где-то вдалеке, за стенами старого театра, зазвучала гитара. И я поняла: истории не заканчиваются. Они просто ждут, когда мы добавим новые краски.

Глава 3. «Секреты под апельсиновыми деревьями»

Санта-Лусия в ноябре была похожа на акварель, написанную в дождливый день. Туман цеплялся за колокольню церкви, а узкие улочки пахли влажным камнем и жареными каштанами. Я стояла у входа в Театр Солнца, поправляя воротник свитера, и смотрела, как рабочие крепят новую вывеску. Золотые буквы «*Teatro del Sol – Reapertura 2026*» отсвечивали в сером свете.

– ¡Cuidado! – крикнул Пабло, подбегая ко мне. – Ступенька треснула вчера под дождём.

Я отпрыгнула как раз вовремя. Старый камень под ногами раскололся, обнажив что-то тёмное и металлическое.

– Что это? – я опустила на колени, отчищая грязь.

– Похоже на... сейф? – Пабло засмеялся. – Может, дед Мендеса прятал здесь золото?

Но когда мы отмыли грязь, стало ясно: это старинный медный ящик с замком в форме солнца. На крышке едва различимы были выгравированные буквы: *Т.Л.*

– Тея Луна, – прошептала я. – Актриса, о которой рассказывала Соледад.

Пабло постучал по замку:

– Нужен ключ. Или Алехандро. Он бы взломал это за пять минут.

Сердце сжалось. Алехандро не отвечал на сообщения уже три дня. Последнее, что он написал: «*Экзамены. Мир рушится. Не пиши*».

Мама, как всегда, спасла ситуацию. Она нашла в архивах театральные записи 1920-х годов, где упоминался «сейф Теи Луны».

– Говорят, она прятала здесь письма от Лорки, – сказала мама, листая страницы. – Но ключ утерян после её смерти.

– Может, Соледад знает? – предложила я.

Старушка встретила нас с корзиной апельсинов и загадочной улыбкой:

– Ах, ящик Теи... Я видела его в детстве. Моя мать рассказывала: ключ спрятан там, где солнце целует землю в полдень.

– Где это? – спросила я.

– В саду за театром. Но его нет уже пятьдесят лет.

Сад за театром оказался не просто заброшенным – он будто исчез с карты города. За обрушившейся стеной лежали руины: обломки фонтана, скрученные ветви гранатовых деревьев, тропинки, заросшие плющом. Но в центре, под развалинами беседки, стояло апельсиновое дерево. И в его стволе, словно влитое в кору, блестело медное кольцо.

– ¡Dios mío! – Пабло вытащил ключ. Он был покрыт зеленью, но узор солнца на конце узнавался сразу.

Когда мы вернулись к ящику, замок открылся с тихим щелчком. Внутри лежали три предмета: потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, фотография в серебряной рамке и крошечный хрустальный браслет.

Фотография показала молодую женщину в костюме Икара. Её глаза смотрели прямо, полные страсти и печали. На обороте – дата: *15 октября 1926*.

– Это Тея, – прошептала я, касаясь лица на снимке.

Тетрадь оказалась дневником. Первые страницы были на испанском, но к середине записи переходили на смесь русского и испанского. Мама перевела ключевые фразы:

«*Сегодня Федерико подарил мне стихи. Он говорит, я – огонь в его сердце. Но огонь сжигает...*»

«*Мой сын родился под ливнем. Назвала его Лукас – „свет“. Но отец запрещает мне видеть его. Говорит, актриса не может быть матерью...*»

– Она была матерью? – вскрикнула я. – Соледад говорила, Тея умерла одинокой!

– Люди прячут правду, чтобы защитить других, – тихо сказала мама.

Браслет оказался ключом к следующей загадке. На внутренней стороне была выгравирована надпись: «*Para el alma gemela*» – «Для родственной души». Когда я надела его на запястье, Соледад ахнула:

– Это браслет моей матери! Она носила его всегда. Говорила, это память о сестре...

– Тея была вашей тётей? – спросила я.

Старушка кивнула, слёзы катились по морщинам:

– Тея Луна – настоящая фамилия Кармен Солер. Она ушла из семьи, чтобы играть на сцене. А когда родила сына... отец выгнал её. Говорил, она позорит дом.

– Где её сын?

– Умер в Гражданскую войну. Но... – Соледад указала на фотографию в ящике. – Это не Тея. Это Ирен, дочь Мендеса-старшего. Она коллекционировала театральные реликвии.

Вечером я рисовала в альбоме портрет Теи, когда телефон зазвонил. Алехандро. Его голос звучал хрипло, будто он кричал сквозь шторм.

– Лена... Мне нужна ты.

– Что случилось?

– Отец... Он нашёл письма мамы. Не те, что показывал тебе. Настоящие. Она писала, что не могла остаться, потому что он угрожал убить меня, если она не уйдёт.

– Боже...

– Я уезжаю в Санта-Лусию. Сегодня. Но... – он помолчал. – Если ты скажешь «нет», я останусь в Берлине.

Я посмотрела на браслет на запястье. На солнечный узор в ящике. На фотографию Теи, которая тоже выбирала между любовью и долгом.

– Приезжай.

Поезд прибыл в Малагу в три часа ночи. Я ждала на платформе, дрожа от холода и нетерпения. Когда он вышел из вагона, сердце остановилось. Алехандро похудел, волосы были всклокочены, а под глазами залегли тени. Но в его карих глазах снова горел огонь.

– *Hola*, – прошептал он.

– *Hola*.

Он обнял меня так крепко, что я почувствовала, как дрожат его плечи.

– Расскажи о ящике, – попросил он в такси. – Пабло присылал фото.

Я описала находку, дневник Теи, историю её сына. Алехандро слушал молча, сжимая мой браслет с красной нитью.

– Знаешь, почему отец так ненавидит театр? – спросил он у порога нашей квартиры. – Его мать тоже была актрисой. Бабушка Соледад говорила, что она сбежала с актёром из труппы Лорки. Отец винит искусство в том, что остался без матери.

– Как Тея.

– Да. – Он посмотрел на меня. – И как моя мама.

Утром мы вернулись к ящику. Алехандро внимательно изучал дневник Теи.

– Здесь есть страницы на русском. Ты читаешь?

– Да. Но... – я замялась, – смысл теряется без контекста.

– Тогда давай найдём контекст. – Он достал из рюкзака старую карту Санта-Лусии. – В архиве Берлинской академии я нашёл документы о театральных гастролях Лорки. В 1936 году его труппа скрывалась здесь, в подвале театра.

– Но в дневнике Тея пишет о сыне в 1926-м...

– Возможно, это не её дневник. – Алехандро перевернул страницу. – Смотри: почерк меняется к концу.

Мама, проверяя текст через увеличительное стекло, подтвердила:

– Первые записи – женский почерк. Последние... мужской.

Соледад пришла к нам с коробкой старых писем.

– Это письма моей матери. – Она вынула конверт с почерком, похожим на записи в дневнике. – Кармен Солер (наша Тея) родила сына в 1925-м. Мальчика звали Лукас. Его отец был русским эмигрантом – архитектором, работавшим над театром.

– Русским? – переспросила я.

– Да. Его звали Михаил Соколов.

Мир закружился. *Соколов*. Фамилия мамы.

– Это невозможно, – прошептала мама. – Мой отец родился в 1940-м в Москве...

– Проверь, – Соледад протянула письмо. – Может, ваша семья тоже прячет тайны?

Дома мама часами рылась в семейных архивах. На рассвете она нашла фотографию: молодой мужчина с чёрными кудрями, в форме инженера, держит на руках ребёнка. На обороте надпись: «*Михаил и Лукас. Барселона, 1926*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.